

ние, в которое стал бы, по всей вероятности Лев Николаевич к ужасной переживаемой нами действительности; на то, как он реагировал бы на современную войну. Задача моя заключалась в том, чтобы напомнить о той тревожной проблеме, которую он ставил, и о тех способах разрешения ее, которые им предлагались. Мы можем с ним вполне или отчасти не соглашаться, но мы должны прислушаться к его искреннему голосу, неутомимо возвещавшему истину, как она открывалась ему, и отрезившись от того кошмара, который овладел нами, попробовать вместе с ним снова свободно передумать те высокой важности вопросы, которые он ставил перед нами, пробуждая нашу самую глубокую совесть от того сна и оцепенения, в которые она так часто обнаруживает склонность впадать.

Никто, как Толстой, не обладал свойством будить засыпающую совесть человека и именно потому, что никто, как Толстой, не был таким вечным, никогда не успокаивающимся искателем правды и истины. „Нужно бы написать целую книгу“, говорит другой писатель, которым Россия может гордиться, В. Г. Короленко: „чтобы проследить захватывающую историю этих исканий великого и беспокойного духа в поисках за исцеляющей гармонией истины“. И Короленко так отмечает начальный и конечный этапы этих исканий: „В эпоху „Войны и мира“ перед восхищенным взором Толстого колыхался океан душевной цельности противляющегося и борющегося народа. И он признал эту цельность борьбы законом жизни. Теперь послушная мечта развернула перед ним картину другой цельности, такой же могучей, такой же стихийной и такой же захватывающей. На него повеяло настроением другого народа, который на заре христианства